

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ
МЕЖДУ Л.Л. КОФАНОВЫМ И А.Л. СМЫШЛЯЕВЫМ
(ВДИ 2014. № 4; 2015. № 4; 2016. № 2)

А. М. Смorchков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
smorchkovtuber@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ход, проблематика и результаты дискуссии между Л.Л. Кофановым и А.Л. Смышляевым о роли римских юристов и их согласованных ответов в развитии римского права. Указанная дискуссия нашла отражение в четырех статьях названных авторов.

Ключевые слова: Римская республика, юристы, жрецы, honor, ius respondendi, contiones

SOME CONSIDERATIONS ABOUT THE DISCUSSION BETWEEN
L.L. KOFANOV AND A.L. SMYSHLYAEV
(VDI 2014, no. 4; 2015, no. 4; 2016, no. 2)

Andrey M. Smorchkov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
smorchkovtuber@yandex.ru

Abstract. The paper reviews problems and results of the discussion (reflected in four articles) between L.L. Kofanov and A.L. Smyshlyayev concerning the role of Roman jurists and their consensual responses in the development of the Roman law.

Keywords: Roman Republic, jurists, priests, honor, ius respondendi, contiones

Данные об авторе. Смorchков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира РГГУ.

Как мне кажется, жанр публичных дискуссий, рассчитанных на широкий интерес читателей, в нашей науке пока еще не прижился, несмотря на отдельные попытки организовать обсуждение актуальных проблем. Одной из таких попыток является данная дискуссия на страницах ВДИ, оба участника которой предложили мне высказаться по ее поводу. Сферу моих научных интересов поднятые вопросы затрагивают лишь в одном конкретном случае, но ключевая проблема обсуждения касается характера и сути республиканской политической системы, что, несомненно, имеет важное значение при изучении любых частных задач, относящихся к указанному периоду. Тем не менее я осознаю свою некомпетентность по многим затронутым вопросам, поэтому буду предельно аккуратен в оценках, тем более что никоим образом не претендую на совершенно неуместную в данной ситуации роль третейского судьи в развернувшемся споре. С большим уважением относясь к обоим участникам дискуссии, я с некоторой робостью принимаюсь за новый для меня жанр некоей рецензии на дискуссию.

Весьма облегчает восприятие диалога то, что спорные проблемы были разделены на отдельные главы. Таким образом, дискуссия велась по четко очерченному в каждом разделе кругу вопросов, не перескакивая с темы на тему. Ключевой вывод статьи Л.Л. Кофанова, которая положила начало дискуссии, четко и ясно сформулирован в аннотации к ней, не оставляющей сомнения в значимости этой идеи для автора: «Римские юристы на таких *contiones* давали свои согласованные ответы, которые в случае достижения между ними консенсуса приобретали силу закона»¹. Указанная идея неоднократно упоминается в самой статье², и именно она стала темой первого раздела («Институт *ius publice respondendi* в эпоху Республики»)³.

Думаю, мне следует сразу определить свою позицию по сути дискуссии. Я полностью поддерживаю замечание А.Л. Смышляева, что Л.Л. Кофанов, говоря о праве юристов давать ответы по вопросам права, имплицитно принимает его за институт, хотя речь должна идти о частных мнениях авторитетных людей⁴. Другими словами, для обоснования своей идеи Л.Л. Кофанову необходимо доказать наличие такого института со всеми сопровождающими его формальностями. Но эта важнейшая задача никак не сформулирована и не поставлена. При этом итоговый вывод работы, как справедливо заметил оппонент⁵, не вызывает сомнений. Бесспорно, римская юриспруденция, а тем более ораторское искусство «зарождались в бурных обсуждениях римского форума»⁶, что полностью соответствует характеру республиканской политической системы. Но механизм этого зарождения остается неясным, а выводы в работе Л.Л. Кофанова мне не показались убедительными.

Остановлюсь на аргументации чуть подробнее. Ключевая идея, о которой было сказано в начале, базируется на важном отрывке из «Институций» Гая (I. 7): *responsa prudentium sunt sententiae et opiniones eorum quibus permissum est iura condere. quorum omnium si in unum sententiae concurrunt, id quod ita sentiunt, legis vicem optinet*. Но одному обстоятельству я не нашел объяснения, причем оно представляется мне решающим для обоснования упомянутой идеи: почему и

¹ Kofanov 2014, 87.

² Kofanov 2014, 89, прим. 20; 90; 91; 102; 103.

³ Smyshlyaev 2014, 111–114.

⁴ Smyshlyaev 2016, 412–413. Я еще вернусь к этому вопросу ниже в связи с проблематикой собственных исследований.

⁵ Smyshlyaev 2014, 111.

⁶ Kofanov 2014, 107.

Л.Л. Кофанов⁷, и Ф.М. Дыдынский⁸, и Э. Пост⁹ перевели в этой цитате *viset* как «сила», ‘the force’, а не «вместо, наподобие»? Эти варианты сильно разнятся по смыслу и по выводам, которые можно на их основе сделать. Ведь одно дело: «Если мнения этих лиц (знатоков права. — А.С.) сходятся, то приобретает силу закона то, в чем они согласны» (пер. Ф.М. Дыдынского). Получается, что несколько лиц могут принимать законы, ибо в чем отличие закона от решения, имеющего его силу? Т.е. речь идет об абсолютной обязательности для судей такого решения. Если же понять так: «Считается¹⁰ (служит¹¹, обязывает¹²) наподобие закона то, в чем они согласны», то речь идет о мнении авторитетных людей, но все же о мнении, которое имеет лишь моральную силу авторитета. Первого варианта придерживается Л.Л. Кофанов (этот тезис проходит «красной нитью» через всю его статью — см. выше, прим. 2). С ним спорит А.Л. Смышляев¹³, т.е. фактически соглашаясь со вторым вариантом, но при этом не касается самого перевода. Я не настаиваю на истинности своей трактовки слов Гая, но ввиду их важности для обоснования ключевой идеи Л.Л. Кофанова хотелось бы, чтобы участники дискуссии обратили внимание на подобного рода вещи.

А.Л. Смышляев справедливо указывает на важность различия между *институтом ius respondendi* («т.е. исключительного права уполномоченных властными инстанциями юристов на предоставление ответов») и неформальным правом знающих людей давать ответы, но, к сожалению, сделал акцент и четко указал на это обстоятельство лишь под конец обсуждения¹⁴. А ведь именно данный вопрос — имелся ли институт *ius publice respondendi* в республиканскую эпоху, т.е. было ли в то время это право обусловлено решением какого-либо органа власти или вообще чьим-то решением, — является основным пунктом разногласий между оппонентами, и именно вокруг него должна была выстраиваться вся дискуссия. Однако в ней этот вопрос рассматривается лишь как один из многих, а не как центральный. В итоге споры, развернувшиеся вокруг довольно многочисленных проблем, сплошь и рядом уходят в сторону от основной темы, что видно при знакомстве с другими разделами.

Во втором разделе («Disputatio fori») вспыхнул лично для меня непонятный спор по вопросу, в чем состояла деятельность юристов (видимо, в основном) — в тихих домашних консультациях или в бурных дискуссиях на форуме, в сенате, судах и т.д. А что мешало сочетать оба вида деятельности в зависимости от общественных и личных обстоятельств? В чем тогда предмет спора? В соотношении этих форм деятельности? «И любой сенатор-юрист, выступая в сенате или на народной сходке, вовсе не обязательно обсуждал в своих речах вопросы права», — пишет А.Л. Смышляев¹⁵. Это верно, но столь же верно, что в иных случаях он мог обсуждать вопросы права (а почему бы и нет?). Вероятно, следовало определиться с понятием «юрист», чтобы точнее выяснить, в какой ипостаси выступает то или

⁷ Kofanov 2014, 89, прим. 20; 90; 102; 103.

⁸ Gaius 1997, 18.

⁹ Gaius 1904.

¹⁰ Такое значение у глагола *obtineo* известно уже у Саллюстия, но с предлогом *pro* (Sall. *Ep. ad Caes.* I. 1. 1). Ср. *D.* I. 13. 1. 3; Dydynskiy 1997, 377 (*obtinere* 2).

¹¹ Dvoretzkiy 1986, 821 (*vicis* 3); ср. Petruchenko 1914, 693 (*vicis* IIa).

¹² Dydynskiy 1997, 377 (*obtinere* 4).

¹³ Smyshlyaev 2014, 111–114; 2016, 412–414.

¹⁴ Smyshlyaev 2016, 412–413; ср. 2014, 113; 114.

¹⁵ Smyshlyaev 2014, 119.

иное лицо, например, авгур, толкующий знамение¹⁶. В итоге, в чем суть противостояния оппонентов в данном вопросе, для меня осталось неясным¹⁷, сведясь, по моему разумению, лишь к взаимным выпадам. К тому же за спорами оказался в тени ключевой вопрос об обязательной силе согласованных решений римских юристов.

Третий раздел дискуссии посвящен спору относительно термина «юрист–оратор»: имелся он или нет? Ответ, казалось бы, в источниках, однако к ним почти не обращаются (за исключением *Cic. De or. I. 236*). Но главное – как этот спор связан с темой? Да и как разделить многогранную личность знаменитых римлян? Опять же, кто такой «юрист»? Теоретик права или знаток? В последнем случае можно с уверенностью говорить, что мало кто из политических деятелей, выступавших с речами («оратор»), не мог похвастаться знанием права («юрист»), как тот же Цицерон. То же самое можно сказать и по поводу трактовки отрывка из сочинения Цицерона «Об ораторе» (III. 122–123), который привлек наибольшее внимание участников дискуссии в этом разделе. В качестве комментария к соответствующему разделу сочинения Цицерона наблюдения оппонентов весьма интересны, в равной мере убедительны и, как следствие, вызывают желание детально разобраться в этом непростом для понимания обмене мнениями участников цicerоновского диалога. Но нельзя забывать, что это взгляд одного римлянина, хотя и гениального: насколько он отражает ситуацию? Здесь лишь в ответе Л.Л. Кофанова мы видим переход от разбора теоретических сочинений к анализу конкретной практики¹⁸, при проведении которого высказываются наиболее весомые аргументы – если, конечно, мы хотим реконструировать историческую реальность. Но опять же: как связан с ключевой проблемой определения места и роли юристов вопрос о том, кто кого «ограбил», т.е. вторгся в их сферу компетенции, – ораторы юристов¹⁹, философы ораторов²⁰ или риторы «настоящих ораторов»?²¹ Причем эти «грабители» в трактате не названы (у Цицерона некие *homines abundantes otio*), соответственно, центральный пункт дискуссии должен состоять в определении и доказательстве того, что же подразумевал здесь Цицерон. Что касается ограбленных, то они четко обозначены в трактате как «*oratores*», но понимание этого термина, как видим, у оппонентов разнится.

В отношении четвертого раздела («Обсуждение юристами на народных сходках судебных казусов, связанных с тяжбами частных лиц») могу лишь заметить, что здесь дискуссия также отклонилась от основной темы²² и, кроме того, рассыпалась на несколько чисто юридических вопросов, каждый из которых, на мой взгляд, достоин отдельного обсуждения. Впрочем, эти вопросы вне сферы моей компетенции, поэтому я воздержусь от комментария.

Последний, пятый, раздел дискуссии посвящен вопросу о возможности внесения римскими гражданами поправок в текст законопроектов во время их обсуждения на народных сходках, что имеет важное значение для понимания характера респуб-

¹⁶ Или Катон, как справедливо заметил А.Л. Смышляев (2014, 119, прим. 49).

¹⁷ Например, явно требует дополнительного пояснения, с чем же именно не согласен А.Л. Смышляев (2016, 415) в трактовке рассматриваемых цитат из трактата Цицерона «Об ораторе».

¹⁸ Kofanov 2015, 247.

¹⁹ Kofanov 2014, 105.

²⁰ Smyshlyaev 2014, 121.

²¹ Kofanov 2015, 247.

²² См. также замечание А.Л. Смышляева (2016, 418).

ликанской политической системы. Само обсуждение законопроектов на сходках и вне их, само собой, сомнений не вызывает. Тезис Л.Л. Кофанова о праве народа вносить изменения в текст законопроекта во время его промульгации звучит красиво и демократично. Но если это так, то каков механизм осуществления данного права? Одно дело предлагать изменения (к которым рогатор может прислушаться или нет²³), другое – вносить изменения: каким образом это может быть осуществлено? Такого рода вопрос не ставится, и в итоге предложенная автором идея «повисает в воздухе». Это касается и обсуждения на Форуме законов XII таблиц – важнейший аргумент Л.Л. Кофанова. Проблема, на мой взгляд, не в уникальности ситуации²⁴ – гораздо серьезнее вопрос о достоверности описаний Ливия и Дионисия, – а в механизме (реконструируемом хотя бы гипотетически, ввиду отмеченной проблемы достоверности) выдвижения и учета поправок во время обсуждения. И опять же, как этот сюжет связан с основной темой дискуссии – местом и ролью решений юристов? В принципе догадаться можно, но лучше увидеть четко сформулированные позиции авторов, чем высказывать свои предположения по поводу того, что они имели в виду.

После рассмотрения отдельных разделов дискуссии вернусь к основной идее работы Л.Л. Кофанова, на этот раз в контексте собственных исследований, т.е. на примере деятельности жрецов (жрецов-юристов, как они названы в упомянутой статье). По данному поводу мне уже приходилось дискутировать с автором, в том числе и относительно недавно²⁵. Его идея, будто несколько человек (юристов), никем не уполномоченных, в случае консенсуса между собой принимают решения, приравняемые к законам, мне кажется весьма странной и не вписывающейся в общие представления о характере римской политической системы. Это касается и римских жрецов²⁶: они все же не давали ответы от имени богов, как считает Л.Л. Кофанов²⁷, а лишь интерпретировали знаки, посылаемые богами. Другими словами, это были эксперты, компетентные люди, но их знание было именно знанием людей, а не богов. Их личности не обладали никакой сакральностью, за исключением весталок и старших фламингов, занятых исключительно священнодействиями. Соответственно, их мнение было мнением сведущих людей, пренебречь которым крайне сложно, но возможно (и такие случаи имели место)²⁸.

Что касается членства жрецов в сенате в силу их статуса, то зафиксировано оно лишь для фламина Юпитера, но и его право отнюдь не было общепризнанным даже в древности. Тезис об участии в заседаниях сената понтификов, авгуров и фециалов, не являвшихся сенаторами, т.е. о наличии политических полномочий у жрецов как таковых²⁹, не пользуется сколько-нибудь существенным признанием в историографии. Его отстаивают Р. Митчелл и его ученик Г. Форсайт, критику взглядов которых мне уже приходилось давать³⁰. А Е. Линдерский, на которого

²³ Smyshlyaev 2016, 419–420.

²⁴ Ср. Smyshlyaev 2014, 127.

²⁵ См. Smorchkov 2014, 38–68.

²⁶ Собственно, речь идет не обо всех жрецах, а о тех, которые имели политическое значение, т.е. о понтификах и авгурах, а также, хотя в незначительной степени, о фециалах и Сивиллиных жрецах.

²⁷ Kofanov 2014, 88, прим. 12. Такое мнение встречается в историографии, но в работах тех ученых, которые не занимались специально данным вопросом.

²⁸ Smorchkov 2014, 65–66 (итоговые выводы).

²⁹ Kofanov 2014, 103.

³⁰ Smorchkov 2010, 321–327; 2012, 219–225.

также ссылается Л.Л. Кофанов³¹, в указанной работе, напротив, однозначно высказался против концепции Р. Митчелла, пусть и в кратком замечании³².

Соответственно, в эпоху Республики слово *honor* (в техническом смысле) к жрецам не относилось, а прилагалось исключительно к магистратам. Ситуация изменилась в эпоху Империи, когда почетное значение жреческих должностей резко выросло. Неудивительно поэтому, что сведения всех источников, приведенных Л.Л. Кофановым³³, где слово *honor* связано с жречествами, относятся к императорскому времени. Трактовка им этого слова в терминологическом смысле вызывает вопросы. Мне совершенно непонятно, почему *ius publice respondendi* должно непременно восприниматься как *honor populi*?³⁴ Судя по контексту, речь идет о жреческой юриспруденции, ибо дальше говорится о приобретении римской юриспруденцией во II—I вв. до н.э. более светского характера, а получаемые «от народа *honores*, наделявшие правом публично давать ответы», отнесены к плебейским трибунам³⁵. Но если плебейские трибуны действительно избирались, то к жрецам это до 103 г. до н.э. не относилось. Да и введенные в названном году выборы членов важнейших жреческих коллегий, строго говоря, таковыми не являлись, ибо голосовала меньшая часть триб. О каких же *honores*, получаемых жрецами от народа, в таком случае может идти речь? Здесь хотелось бы получить от автора разъяснения его мысли.

Еще раз подчеркну, что вопрос не в том, давали ли жрецы и другие авторитетные лица (юристы) ответы по запросу сената, магистратов или частных лиц. Конечно, давали. Но какова была обязательная сила этих решений, механизм их принятия и реализации? Имели они право выступать по собственной инициативе или лишь по запросу соответствующих лиц и органов власти? Вот на эти вопросы хотелось бы получить ответы с развернутой аргументацией.

Несколько общих впечатлений. Историографические дискуссии в рассматриваемых работах находятся на высоком уровне, поражают знанием широкого круга юридической и исторической литературы, умелым ее анализом при вполне понятных разногласиях в трактовке тех или иных взглядов. Но это достоинство имеет и свою оборотную сторону, порой вызывая ощущение апелляции «к авторитету». В начале дискуссии оппоненты большое внимание уделили взглядам, а точнее, одной фразе Ф. Шульца, вокруг которой развернулись жаркие споры, занявшие много места³⁶. На мой взгляд, это не стоило таких усилий. Сколь бы авторитетным ни был исследователь, но его мнение — не аргумент, а лишь поддержка аргументов источников. Причем несмотря на предложенные разные переводы его фразы и указания на различные возникающие при этом нюансы, суть ее вполне понятна: «право давать ответы — само собой разумеющееся». Вопрос же в том, когда это право подверглось институционализации, причем частичной, поскольку и в эпоху Империи никто не запрещал авторитетному юристу давать ответы, если его об этом просили.

Что касается анализа источников, то весьма облегчают восприятие аргументации обширные цитаты на латинском и древнегреческом (что уже стало общим явлением в историографии) вместе с переводами. Отмеченная работа с источниками

³¹ Kofanov 2014, 103, прим. 93.

³² Linderski 1986, 261, n. 56.

³³ Kofanov 2014, 103, прим. 92.

³⁴ Kofanov 2014, 103.

³⁵ Kofanov 2014, 103–104.

³⁶ Kofanov 2014, 88; Smyshlyaev 2014, 112; Kofanov 2015, 241; Smyshlyaev 2016, 412–413.

является достоинством всех четырех рассматриваемых здесь работ и позволяет представить мысль античного автора в широком контексте. Нередко во взаимной полемике для уточнения такой мысли оппоненты прибегали к расширению объема цитат, находя дополнительные аргументы для обоснования своего понимания сведений источника.

Но все же анализ источников в рассматриваемой дискуссии имеет, как мне кажется, один существенный недостаток. А именно, оппоненты, используя пространственные тексты, меньше внимания уделили конкретному филологическому анализу. Я имею в виду небольшие, но ключевые цитаты, в случае которых, на мой взгляд, необходимо было не только привести свои переводы, но и обосновать их, вокруг этого построив дискуссию (о чем уже говорилось выше по поводу *ius respondendi* и перевода цитаты из «Институций» Гая³⁷). И здесь, на мой взгляд, необходим максимально дословный перевод со строгим учетом контекста, в то время как оппоненты использовали, как правило, имеющиеся литературные переводы, хотя и с некоторыми своими исправлениями. Так, есть все же разница, пусть и небольшая, между двумя переводами³⁸: «и даже осмеливаясь учить нас нашему же ораторскому искусству своими книжонками по “Риторике”» (пер. Ф.А. Петровского) и «или кое-как наставляют в ораторском искусстве в малых книжонках и озаглавливают их “Риториками”» (дословный)³⁹. Мое глубокое убеждение, что в научных исследованиях нужна сугубая точность даже в ущерб стилю, и не надо жалеть времени на собственный перевод, т.е. собственную интерпретацию текста.

В качестве примера приведу разногласия вокруг трактовки цитаты из сочинения Цицерона «О законах» (II. 29)⁴⁰, где ключевое словосочетание *facultatem adferunt* не имеет однозначного смысла. Соответственно, ожидалось, что оппоненты пояснят свои переводы, а не предоставят читателю гадать, почему выбран тот или иной вариант (понятно, соответствующий отстаиваемому каждым мнением). Здесь сложность заключается именно в сочетании этих слов, а не в них самих, хотя все же неясно, почему Л.Л. Кофанов счел, что первым значением слова *facultas* является «власть»⁴¹ (такого значения я не обнаружил ни в одном словаре). К тому же весьма полезным было бы сравнение с переводами на другие языки. В частности, английский перевод этой фразы, который осуществил Clinton W. Keyes в LCL, дает совершенной иной смысл, чем предлагают оба участника дискуссии, что свидетельствует о сложностях в трактовке дошедшего текста. И тут нужен конкретный анализ, а не «голый» перевод и апелляция к авторитетам.

Как следствие такого пренебрежения А.Л. Смышляев, порицая оппонента за неправильный перевод отрывка из сочинения Квинтилиана, не дал четкого указания на допущенную ошибку в понимании слова *suasoriis*, которое тот принял за

³⁷ В таком же стиле о данном вопросе рассуждает Д.В. Дождев (Dozhdev 1996, 95–96), на которого ссылается Л.Л. Кофанов (2014, 91, прим. 27), т.е. без подробного анализа обильно приводимых цитат и без рассмотрения конкретных случаев применения данного правила в республиканскую эпоху. Но жанр учебника, каковым является работа Д.В. Дождева, налагает на автора вполне понятные ограничения, и здесь никаких претензий быть не может.

³⁸ Для примера взят отрывок из текста Цицерона (*De orat.* III. 122–123), вызвавшего бурную дискуссию: Kofanov 2014, 105, прим. 110; Smyshlyaev 2014, 121; Kofanov 2015, 244–247; Smyshlyaev 2016, 417.

³⁹ Cic. *De orat.* III. 122: *aut aliquid de oratoris arte paucis praecipiant libellis eosque rhetoricos inscribunt.*

⁴⁰ Kofanov 2014, 89, прим. 13; Smyshlyaev 2014, 113.

⁴¹ Kofanov 2015, 242.

существительное, и ограничился замечанием «не трудно убедиться, что никаких советников Квинтилиан не упоминает»⁴². Все же, думаю, было бы не лишним пояснить свою мысль, а не оставить это на усмотрение читателя.

Такое же замечание относится к единственному, пожалуй, случаю, когда оппоненты дискутировали с привлечением иных источников по поводу перевода конкретной цитаты, а именно, выражения Помпония «*qui fiduciam studiorum suorum habebant*» (D. I. 2. 2. 49)⁴³. А.Л. Смышляев указал на ошибочность перевода И.С. Перетерского, на который опирался Л.Л. Кофанов, но не пояснил, в чем заключается ошибка. Л.Л. Кофанов попытался защитить этот перевод в своем ответе, А.Л. Смышляев опроверг его аргументы, но так и не пояснил, в чем состоит ошибка и каковы его доказательства. На мой взгляд, грамматически возможны оба варианта, предложенные оппонентами, но по смыслу я бы поддержал перевод А.Л. Смышляева: «кто был уверен в своих знаниях, давали ответы...», поскольку в переводе И.С. Перетерского/Л.Л. Кофанова («кто внушал доверие своими знаниями», или, точнее, «внушал доверие к своим знаниям») ожидалось бы по логике фразы «тех спрашивали», а не «они давали ответы». К тому же первый вариант понимания выражения «*fiduciam habere*» встречается в текстах сплошь и рядом, а вот для второго следовало бы подыскать параллели (при беглом поиске мне это не удалось). Как положительный момент отмечу также, что в данном случае во второй своей статье А.Л. Смышляев привел переводы на три европейских языка⁴⁴. К сожалению, это случилось лишь один раз в течение всей дискуссии, да и то лишь в конце ее, а желательно было бы с этого начать, чтобы дать возможность оппоненту высказаться. Но самое главное – споры вокруг перевода данной фразы не имеют существенного значения, поскольку при любой трактовке речь не идет об институте *ius respondendi*, т.е. когда право давать ответы кем-то предоставлялось, а о естественной ситуации, когда обладающий необходимыми знаниями консультирует по своему желанию. А уж сам он в себя верил или ему доверяли – это детали. Дискуссия оказалась беспредметной, потому что ее участники ушли от действительно ключевого вопроса, может ли этот отрывок свидетельствовать о наличии упомянутого института.

Отмечу также, что хотелось бы абсолютной точности в сносках: оппоненты не раз указывали друг другу на неверные ссылки и фактические ошибки. Небрежность такого рода отвлекает от темы дискуссии и порождает сомнения в обоснованности аргументации. Это далеко не мелочь, а в столь важных делах значение пунктуальной точности возрастает многократно. Причем признали свои упущения оппоненты разве что по разу, хотя указание на то, что снимается то или иное неверное возражение или аргумент, облегчило бы восприятие хода обсуждения. Кроме того, порой они игнорировали возражения и аргументы друг друга. Понятно, что полный и детальный ответ занял бы слишком много места, но в ряде случаев было бы весьма любопытно ответ все-таки услышать.

И последнее. Конечно, без издержек любая попытка не обходится. Но мне как читателю резко бросилось в глаза, что оппоненты не удержались в рамках обсуждения сугубо научных проблем и перешли на личности, давая друг другу формально вежливые, но недвусмысленные оценки. Поэтому неоправданно большое

⁴² Smyshlyayev 2014, 122.

⁴³ Kofanov 2014, 88, прим. 6; Smyshlyayev 2014, 114; Kofanov 2015, 241–243; Smyshlyayev 2016, 413–414.

⁴⁴ Smyshlyayev 2016, 413, прим. 16.

место в ответах заняло обсуждение цитаты из Полибия по поводу ремесла историка, никакого отношения к рассматриваемой теме не имеющей⁴⁵. В такой ситуации поиск истины превращается в войну честолюбий, от чего удержаться никому не под силу (так я и про себя думаю). Это неприятно и отвлекает от содержания диалога. Причем любопытно было бы, если бы участники дискуссии независимо друг от друга тезисно сформулировали основные положения своей позиции строго по теме начальной статьи. У меня сильное подозрение, что они не сошлись бы только в одном пункте, а именно, в вышеупомянутом основном тезисе касательно обязательной силы консультаций римских юристов, который, как было отмечено, оказался все же на периферии их внимания.

Таковы мои, понятно, весьма субъективные впечатления от знакомства с рассматриваемой дискуссией. Насколько мне удалось уловить логику и суть рассуждений обоих авторов, судить им и читателям, но, как мне кажется, в любом случае взгляд со стороны, даже ошибочный, может принести определенную пользу. В заключение же своего краткого обзора еще раз подчеркну важность и эффективность такого рода публичных дискуссий и хочу пожелать лишь большей читательской активности, расширения круга участников дискуссии.

Литература / References

- Gaius, 1904: *Gai Institutiones, or Institutes of Roman Law by Gaius*. With a transl. and comm. by E. Poste. 4 ed. Oxford.
- Gaius, 1997: *Institutsii. Knigi 1–4* [*Institutiones. Books I–IV*. Transl. by F. Dydynskiy; ed. by V.A. Savel'ev, L.L. Kofanov]. Moscow.
- Гай. *Институции. Книги 1–4*. Пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.
- Dvoretzkiy, I.Kh. 1986: *Latinsko-russkiy slovar'*. Izd. 3 [*Latin-Russian dictionary*. 3rd ed.]. Moscow.
- Дворецкий, И.Х. *Латинско-русский словарь*. Изд. 3. М.
- Dozhdev, D.V. 1996: *Pimskoe chastnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov* [*Roman private law. A Handbook*]. Moscow.
- Дождев, Д.В. *Римское частное право. Учебник для вузов*. М.
- Dydynskiy, F.M. 1997: *Latinsko-russkiy slovar' k istochnikam rimskogo prava*. Po izdaniyu 1896 goda [*Latin-Russian dictionary of the sources of Roman law*. Based on the 1896 edition]. Moscow.
- Дыдынский, Ф.М. *Латинско-русский словарь к источникам римского права*. По изданию 1896 года. М.
- Kofanov, L.L. 2014: Rol' *responsa* rimskikh yuristov v *disputatio forensis* v rimskoy grazhdanskoy obshchine V–I vv. do n.e. [The role of *responsa* of Roman jurists in the *disputatio forensis* of Roman civil community in 5th–1st centuries BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 87–110.
- Кофанов, Л.Л. Роль *responsa* римских юристов в *disputatio forensis* в римской гражданской общине V–I вв. до н.э. *ВДИ* 4, 87–110.
- Kofanov, L.L. 2015: Eshche raz o *disputatio fori* i *responsa prudentium*: otvet A.L. Smyshlaevu [Once again about *disputatio fori* and *responsa prudentium*: in Reply to A.L. Smyshlyaev]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 240–256.
- Кофанов, Л.Л. Еще раз о *disputatio fori* и *responsa prudentium*: ответ А.Л. Смышляеву. *ВДИ* 4, 240–256.
- Linderski, J. 1986: Religious aspects of the conflict of the orders. In: K.A. Raafaub (ed.), *Social struggles in archaic Rome. New perspectives on the conflict of the orders*. London, 244–261.
- Petruchenko, O.A. 1914: *Latinsko-russkiy slovar'*. Izd. 9-e [*Latin-Russian dictionary*. 9 ed.]. Moscow.
- Петрученко, О.А. *Латинско-русский словарь*. Изд. 9-е. М.

⁴⁵ Smyshlyaev 2014, 128; Kofanov 2015, 240–241; Smyshlyaev 2016, 411.

- Smorchkov, A.M. 2010: Drevnerimskoe zhrechestvo i senat (po povodu kontseptsii R. Mitchella) [The priests of ancient Rome and the senate (on the concept of R. Mitchell)]. In: *Indoevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy* [Indo-European history in the light of new researches]. Moscow, 321–327.
- Сморчков, А.М. Древнеримское жречество и сенат (по поводу концепции Р. Митчелла). В сб.: *Индоевропейская история в свете новых исследований*. М., 321–327.
- Smorchkov, A.M. 2012: *Religiya i vlast' v Rimskoy respublike: magistraty, zhretsi, khramy*. [Religion and authorities in the Roman Republic: magistrates, priests, temples]. Moscow.
- Сморчков, А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
- Smorchkov, A.M. 2014: Konsultatsii zhretsov v sfere publichnogo prava Rimskoy respubliky [Consultations of priests in the sphere of public law of the Roman Republic]. *IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo* [Ancient Law] 1 (29), 38–68.
- Сморчков, А.М. Консультации жрецов в сфере публичного права Римской республики. *Древнее право* 1 (29), 38–68.
- Smyshlyaev, A.L. 2014: Eshche raz o *disputatio fori* i *responsa prudentium* [Once more on *responsa* of Roman jurists and *disputatio fori*]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 110–129.
- Смышляев, А.Л. Еще раз о *responsa* римских юристов и *disputatio fori*. *ВДИ* 4, 110–129.
- Smyshlyaev, A.L. 2016: Kommentariy k stat'e L.L. Kofanova "Eshche raz o *disputatio fori* i *responsa prudentium*: otvet A.L. Smyshlyaevu" (VDI. 2015. № 4) [A Commentary on L.L. Kofanov's paper "Once again about *disputatio fori* and *responsa prudentium*: in reply to A.L. Smyshlyaev" (VDI 2015, no. 4)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 410–421.
- Смышляев, А.Л. Комментарий к статье Л.Л. Кофанова «Еще раз о *disputatio fori* и *responsa prudentium*: ответ А.Л. Смышляеву» (ВДИ. 2015. № 4) *ВДИ* 2, 410–421.